

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 90-летию со дня рождения
Бронислава Ивановича Кузнецова (1931–1985)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат филологических наук Б. М. Нармаев (Санкт-Петербург)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 11.05.2021

Формат 60×90^{1/8}. Объем 13,75 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/j5z5-9x29

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

Б. М. Нармаев. Б. И. Кузнецов — основоположник отечественной послевоенной тибетологии . . .	5
Е. Б. Кузнецова. О нашей семье: «Атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой»	10
С.-Х. Д. Сыртыпова. О творческом наследии Б. И. Кузнецова (1931–1985) или поиски иранского следа в тибето-монгольском буддизме.	15

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЕ

М. В. Монгуш. Учитель, открывший мне Шамбалу (Воспоминания об одной лекции Б. И. Кузнецова)	26
А. А. Терентьев. Немного о Брониславе Ивановиче Кузнецове.	29
А. С. Донгак. Человек и Наставник	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Д. Огнева. Танка как текст: опыт чтения сюжета «Восемь ступ»	33
К. В. Орлова. «Буддизм захватывает сердца, зажигает души...»	42
Т. Д. Скрынникова. Семантика топонима Ярлунг	45
Д. Стронах. Пасаргады, пуп земли. <i>Перевод с английского Б. М. Нармаева.</i>	48
В. Л. Успенский. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году	52

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Б. Л. Митруев. Ойратский текст «Tusa bütēqsen xan köbüün tuujı»	58
Р. П. Сумба. Учебная литература по философии на тибетском языке из фондов Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва	71
А. А. Туранская. Фотокопии древнеуйгурских материалов в коллекции ИВР РАН	75

АРХИВЫ ВОСТОКОВЕДОВ

С. Ю. Беленький, М. И. Тубянский. К вопросу об изучении тибетской медицины. Предисловие, подготовка переиздания, комментарии, приложение <i>Т. В. Ермаковой</i> и <i>Е. П. Островской.</i> . . .	87
---	----

С.-Х. Д. Сыртыпова

О творческом наследии Б. И. Кузнецова (1931–1985) или поиски иранского следа в тибето-монгольском буддизме *

© С.-Х. Д. Сыртыпова, 2021
DOI 10.25882/jtjv-1h69

Статья посвящена разбору основных положений и научных гипотез известного советского тибетолога, учителя нескольких поколений востоковедов постсоветского пространства Б. И. Кузнецова. Одним из главных направлений и идей его научных изысканий была проблематика происхождения добуддийской религии тибетцев бон, поиски иранских корней и параллелей в исторических сюжетах, описанных в трудах греческих, тибетских, арабских, китайских и других авторов. Он идентифицирует религию бон, страну Шанг-Шунг и Олмо с Эламом или древним Ираном времен правления Ахеменидов, а главного бонского жреца, учителя Шенраба Мибо с зороастрийским проповедником. Такая постановка вопроса могла иметь место в VII–V вв. до н. э., когда иранцы находились в пике могущества и вели активную политику расширения своего влияния, и не только на ближайших соседей, но на территории Центральной Азии. В статье предлагается некоторые выдвинутые Б. И. Кузнецовым положения проанализировать при помощи типологических материалов, сохраняющих архаичные автохтонные элементы, в частности многоплановые культы Пехара, Да-лха, Намсарая, в сравнении с зороастрийским культом Митры. События эпохи Ахеменидов хронологически совпадают с эпохой скифов и датировкой выдающихся предметов скифского прикладного искусства, влияния которого не избежала ни одна последующая культура Евразии. Для народов Центральной Азии, Монголии и Тибета наиболее актуально наследие скифо-сибирского звериного стиля. Активными наследниками традиции прикладного искусства южно-сибирских скифов продолжают оставаться монголы и тувинцы, кочевники, принявшие тибетский буддизм.

Ключевые слова: Тибет, бон, Шенраб, Пехар, скифо-сибирский звериный стиль, кочевники.

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел сравнительного культуроведения; Институт востоковедения РАН (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12);

главный специалист, Лаборатория экологии аридных территорий; Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН (Россия, 119312, Москва, Ленинский пр., 33).

ssyrtypova@ivran.ru

*... Если небо как колесо с восемью спицами, то эта страна счастливая.
Если земля как лотос с восемью листьями лепестками, то эта земля счастливая.
Если снежные вершины как пики, то эта земля счастливая.
Если там священная гора, то эта страна счастливая.
Так как это (все) в Согдиане, то эта страна счастливая...*

Зермиг. Перевод Б. И. Кузнецова

Происхождение, история тибетцев и их добуддийских религий были одним из главных направлений в исследовательской деятельности Б. И. Кузнецова. Он отстаивал неортодоксальный взгляд на происхождение древней религии бон, доводы и материалы, аргументирующие его идеи, вошли в ряд его статей, а также в вышедшие уже после его кончины монографии «Древний Иран и Тибет (История

религии бон)», «Бон и маздаизм» и др. По его мнению, связи Тибета с Ираном были более древними и на ранних этапах играли гораздо большую роль, нежели буддизм и Индия. Ученый относит это к периоду могущества Иранской империи, правления Ахеменидов, когда произошло первое вторжение иранцев в Индию (предположительно, при царе Кире (VI в. до н. э.)), а западные районы Индии и долина Инда вошли в состав Персидской державы при Дарии I (522–486 гг. до н. э.) [Кузнецов, 1998. С. 60–61].

* Работа написана в рамках проекта РФФИ монг_т № №19-59-44011\19.

В своих работах Б. И. Кузнецов ссылается на бонские источники: «Зермиг»¹ — «Биография Шенраба» редакции IX в.; «Зижид»² редакции XIV в. и Тибетско-шанг-шунгский словарь 1842 г. с картами, историей и хронологией [Кузнецов, 1998. С. 17–50]. Известно, что в VIII в. тибетцы называли и Иран и персов словом *тазик*, то есть таджик (тиб. *stag gzig / rta mjug / stag bzhi / rtag gzigs / ta zig*). В «Зермиге» говорится о наивысшей обители Олмо (тиб. *gnas mchog 'ol mo*), Олмо Длинной долине (тиб. *'ol mo lung ring*). В другом бонском тексте поясняется, что Иран является частью, провинцией Олмо (тиб. *ta zig nor gling 'ol gling gling phran gcig*)³. В совместной статье Л. Н. Гумилев и Б. И. Кузнецов сообщают, что, согласно тибетским, а также древним иранским источникам, бонское учение в Иране было почти полностью уничтожено Ксерксом (V в. до н. э.), которого тибетцы называют Кхриши или Шрихарша (др.-перс. Хшарша) [Кузнецов, 1998. С. 58–59; *gzer mig*: 1167]. Подтверждением своей интерпретации этих древних связей Кузнецов считает сведения тибетского историка Таранатхи (1575–1634) в его «Истории буддизма», где Таранатха пишет о некоем царе Нанцуле (тиб. *snang thsul* — ‘ясный закон’), правившем Ираном около ста лет, и Нанцула он идентифицирует как внука Ксеркса, сына Артаксеркса [Кузнецов, 1998. С. 68].

Идентификация религии бон, страны Шанг-Шунг и Олмо с Эламом или древним Ираном времен правления Ахеменидов, а главного бонского жреца, учителя Шенраба Мибо, с зороастрийским проповедником однозначно заслуживает дополнительных, более подробных исследований. Как бы то ни было, речь идет о событиях VII–V вв. до н. э., задолго до расцвета учения Будды Шакьямуни, когда иранцы находились на пике могущества и вели активную политику экспансии и расширения своего влияния, и не только на ближайших соседей, но и далеко на юго-восток, восток и северо-восток. События хронологически совпадают с эпохой скифов и датировкой выдающихся предметов скифского прикладного искусства, влияния которого не избежала ни одна последующая культура Евразии. Для народов Центральной Азии, Монголии и Тибета наиболее актуально

¹ Тиб. *gzer mig* — букв.: ‘зарубки на память’, полное название: ‘*Dus-ra gin-po-che'i gyud gzer-mig* — «Ключи к собранию драгоценной традиции». Ротапринт текста переиздан в Дели в 1965 г. 2 тома. Размер л. 36×8 см. — 1166 с.

² Тиб. *gzi brjid* — ‘сияние’. Полная версия биографии Шенраба в 12 томах, написана на основе «Зермиг».

³ *Gangs can bod kyi brda skad ming gzhi gsal bar ston pa'i bstan bcos dgos 'byung nor bu'i gter chen zhes bya ba* = Комментарий на тибетскую грамматику Кунтрул Намхай Жигмед Дорже, Царя Юндрунга (1897–1956), составленный в Шанг-Шунге и записанный Кинаури Кечок Дорже и Данда Нгачанг Сонам Дарпо. С. 123–124. Издано в Delhi, 1966. Доступно на сайте: archive.org

наследие скифо-сибирского звериного стиля. Поэтому некоторые положения, выдвинутые автором, могут быть проанализированы при помощи типологических материалов, сохраняющих архаичные автохтонные элементы — некоторые ритуальные практики и иконографию отдельных божеств пантеона Ваджраяны. Дело в том, что благодаря канонизации образов буддийская иконография законсервировала в культовых образах очень древние, внешние характеристики гетерогенных божеств, включенных в индубуддийский пантеон. Задача эта достаточно сложная, так как за 2–3 тысячелетия истории менялись потоки, векторы и идеологическое содержание доминантных влияний в мире. Особенно большую нивелирующую роль для языческих древностей сыграло развитие крупнейших мировых религий — буддизма, христианства и ислама. Таким образом, для того чтобы поддержать или опровергнуть гипотезу Б. И. Кузнецова и Л. Н. Гумилева (сильное влияние идей Гумилева на творчество Бронислава Ивановича невозможно отрицать), необходимо извлечь крупницы хрупкой старины из-под толщи тысячелетних наслоений. Очевидно, что тема глубокая и заслуживает более серьезных изысканий, нежели это можно изложить в рамках юбилейной статьи. И тем не менее попытаемся хотя бы наметить штрихи и очертания целесообразных направлений. Прежде всего имеет смысл присмотреться к некоторым хранителям учения, которые были включены в буддийский пантеон из небуддийской среды, и сличить их функции и особенности с зороастрийской традицией, пантеоном, древнеперсидскими персонажами и явлениями. Особое внимание обратим на атрибутику царей и героев, их одеяния, украшения и специфические привычки, перенесенные в буддийскую иконографию извне.

Б. И. Кузнецов, говоря об исконном иранском влиянии на тибетцев (вернее, прототибетцев), их мировоззрение и культуру, а также в целом во всей Центральной Азии в I тысячелетия до н. э., поддерживает популярную гипотезу об иранской принадлежности юэчжей и идентифицирует с ними скифов Причерноморья и пазырыкской культуры Алтая, оперирует лингвистическими примерами, следуя разработкам Лауфера и других европейских ученых. В данном вопросе есть логическая несостыковка, так как персы в V в. до н. э. под предводительством Дария I выступали завоевателями юэчжей. Тем не менее скифская материальная культура, поражающая своей изысканностью и богатством, имеет широкий археологический ареал распространения, и загадка появления скифов на исторической арене и их исчезновения продолжает волновать исследователей. Отметим, что археологические открытия последних десятилетий свидетельствуют, что синхронно с развитием религии Бон в Шин-Шунге во встречном к нему направлении в евразийском степном поясе росло влияние колоритной кочевнической культуры.

Известный американский тибетолог К. Бэквиз, сообщает⁴, что первые исторические свидетельства о народе под именем *цян* (ch'iang), позднее идентифицированном так или иначе как тибетцы, были найдены на шанг-китайских гадательных костях, датированных от четырех тысяч лет тому назад. Они считались номадами: название *цян* по-китайски состоит из 2 знаков, имеющих значение *овца* и *человек*, однако о них крайне мало известно. Их потомки в китайских летописях известны как *цян*, живущие в регионе нынешнего северо-запада Китая, однако они не считались китайцами, разговаривали на ином языке и одевались иначе, нежели китайцы. Затем, в классическое античное время, они появились под прежним именем *цян* и образовали западную окраину Китая. На формирование прототибетцев имела колоссальное влияние миграция народа, известного в китайских источниках как *сяо* (hsiao), что значит 'маленький'; они были ветвью народа *та*, что значит 'великий' — юэчжи. После того как их разгромили сюнну (hsiungnu), великие юэчжи мигрировали в Бактрию и были идентифицированы с тохарами, которые, согласно греческим источникам, как раз в этот период захватили Бактрию. Часть из них, наоборот, ушли в Наньшань, где смешались с племенами *цян* и восприняли их язык и обычаи. Цяны в классический период постепенно стали воинственной силой, расположенной вдоль шелкового пути. Особенно во время поздней династии Хань китайцы постоянно воевали то с цянами, то с номадами сюнну на севере от торговых путей [Beckwith, 1987. P. 5–6].

Религия бон, культы Пехара и Митры

В ранней религии бон главным был так называемый совершенный жрец, шенраб (тиб. gshen rab), окруженный светом, которого называют Всеблагой (тиб. kun tu bzang po), однако жертвоприношения бывали кровавыми. При совершении религиозных ритуалов он вонзал кинжал в горло жертвенному животному. Жрецу было посилено давать тепло солнцу, приказывать звездам, издавать законы и т. п. [Laufer, 1901, II. P. 102–104, 209]. С приходом буддизма, особенно с XIV в., бон претерпел значительные трансформации, очень сильно мимикрировал под буддийские стандарты и по содержанию, и во внешних проявлениях. Учитель бонской религии Шенраб Миво давно изображается неотличимо от Будды Шакьямуни, его называют эпитетом Будды — Тонпа (тиб. ston pa), у бонпо есть письменный канон и ритуальная система, похожая на ритуалы ньингма и дзогчена, единственный отличительный атрибут — юндрунг, то есть свастика. Однако ранние изображения Шенраба были другими, у него была коротенькая юбочка, голубое обнаженное тело, на голове зубчатая ко-

рона, в руке трехгранный кинжал, ниже изображен символ солнца — диск с восемью лучами [Hoffmann, 1950. P. 2].

Однако было и обратное влияние, в буддийский пантеон вошли древние тибетские и центральноазиатские персонажи неиндубуддийского происхождения. Одним из хранителей тибето-монгольского буддизма, вероятно, центральноазиатского происхождения, является Пехар (тиб. pe har / dre kar / spe dkar / be dkar / dpe ha ra / pe ha ra / sku lnga). Бонпо называют его хранителем Шанг-Шунга, божеством — защитником страны Шанг-Шунг. Говорят, что он обитал в стране Захор, в Бенгалии, где будто бы родился Падмасамбхава, потом в Бхата-Хоре (Бханта-Хоре), расположенной в стране уйгуров, и также в стране миньягов Си-Ся (Тангутское государство). В текстах традиций ньингмапа и гелугпа он наделяется эпитетами — Царь дхармапала, Великий хранитель религии, Царь со свитой, Царь мастер сокровищ, Белый владыка жизни, Воинственный хранитель (Да-лха) всех мужчин, Трехликий супермен, Белый Брахма, Великий царь всех демонических духов [Nebesky-Wojkowitz, 1956. P. 96–97; Stein, 1972. P. 252]. Монголы называют его Таван-хан, то есть Пять Ханов, он входит в число мирских, не достигших нирванического уровня хранителей, и любопытно, что Пять Ханов почитают в семьях, предки которых имели могущественных добуддийских хранителей. Дело в том, что в тибето-монгольском буддизме Пехар выступает как глава группы из пяти персон, которых называют Пять тел царей / Царственная пятерница / Пятеро (тиб. gyal po sku lnga / gyal lnga / sku lnga), и его называют главой Да-лха (тиб. dgra lha — 'божество — защитник от врагов'). При этом «цари» (тиб. gyal) — это название одного из восьми разрядов духов, которые могут быть опасными и даже вредоносными, так как *гьялпо* — молодой, нервный и агрессивный класс существ. Как говорил известный тибетский наставник дзогчена Намкай Норбу, они есть духи бывших царей и высоких лам, преступивших обеты. Гьялпо бывают белого цвета и вооружены [Намкай Норбу, 2007].

Среди характеристик Пехара отметим также следующие: Белые облачные небеса, Небесное белое божество, Небесный белый теу, Небо белое. В традиции бонпо Пехар является владыкой теурангов (тиб. the'u rang). По словам Намкай Норбу, существа теуранги похожи на людей, но не люди, они относятся к классу ньен (тиб. puen), к которому принадлежит большинство хранителей местностей⁵. Пехар

⁴ Бэквиз ссылается на исследование японского археолога С. Сиракавы: Shirakawa S. Kōkotsubun no seikai. 1972. С. 171–185.

⁵ Считается, что теуранги сродни людям и даже бывали случаи сексуальных контактов, от которых шло потомство. Намкай Норбу приводит пример из жизнеописания первого тибетского царя родом из Пуво в Восточном Тибете. В этой истории, записанной в XI столетии одним из учителей Дзогчена, говорится о женщине, родившей детей от теуранга. Один из них, по имени Убера, обладал чудесными силами, внушавшими страх бонским жрецам. Жрецы прибегли к гаданиям и астрологическим расчетам,

был укрощен Падмасамбхавой (VIII в.) и превращен в хранителя монастыря Самье. Эманация Пехара, Нейчунг Чоянг, со времен Далай-ламы Пятого служит официальным оракулом Тибета. Нейчунг гневный гьялпо, но он связан обетом, данным Падмасамбхаве, поэтому он служит защитником, однако совершение его практики, по свидетельству лам, исполняющих роль прорицателей, на которых нисходит этот дух, действует истощающе и тяжело отражается на нервной системе.

О Пехаре говорят как о мифологическом предке тибетских царей, повелителе туч и дождей, главе всех охранителей мира. Прежде всего он хранитель местности и в этой роли представляется в облике гордого всадника с белым как снег телом, в защитном панцире, шлеме, покрытом драгоценностями, в высоких сапогах. Его главные атрибуты — боевое копьё и гадательная стрела, то есть функционально он Воин и Предсказатель. В Тибете у Пехара три известных местопребывания: храм Пехарлинг в Самье, реликварий из буддийских ступ Цел Гунтанг (тиб. *mtshal gung thang*) недалеко от Лхасы и монастырь Нейчунг близ Дрепунга. На монгольских и тибетских тангка Пехар чаще всего изображается трехголовым белотелым всадником в широкополой шляпе на белом льве с зелёной гривой, либо просто белым всадником, либо птицеголовым существом. Обычно он является со свитой из двух спутников и пяти его эманаций. Согласно ритуальному тексту «Солчод мирским хранителям», сбоку у него воинственный «управитель гордости» Гьялчен Соднам Пал с красным телом, в красном тюрбане и одеянии из человеческой кожи, вооруженный боевым копьём, луком и стрелами. С другого бока выступает шакти Менкар Донма, по другим версиям Намде Карпо — Белое Небо, он одет в белопятнистый плащ, скачет на белом коне, вооружен хрустальным мечом [Nebesky-Wojkowitz, 1956. P. 98].

О происхождении Пехара говорится в тексте разряда *терма* (сокрытых сокровищниц)⁶, открытых у монастыря Самье. Его отец — Небесный белый бог, а мать — богиня Лумо Норгьема, хранительница сокровищ, иногда их называют Белая Раковина / Бирюзово-белая Раковина и Бирюзовое Лекарство, при этом отец является царем крокодилов и изображается с головой макары, а мать — девятиглавой нагиной [Nebesky-Wojkowitz, 1956. P. 98–99, 581]. Согласно тибетскому тексту «Великий царь якшей Пехар со

чтобы выяснить, что это за ребенок, и, решив, что он сын теуранга, провели ритуалы изгнания теуранга и выслали его из Пуво. После долгих странствий он попал в Центральный Тибет, где в то время не было царя. Люди узнали, что мальчик обладает чудесными силами, сделали его царем и называли его Пугьял, то есть царь из местности Пу [Намкай Норбу, 1991].

⁶ Терма была найдена тергоном Нима Осером, который был признан воплощением царя Тисрон Детцана (*khri srong lde btsan 742-797/810(?)*).

свитой»⁷, он вылупился из яйца, отложенного богиней Лумо⁸, которая живет в сакральном озере Манасоровар (тиб. *ma phan yu mtsho* — ‘Непобедимая Бирюза’). У него была голова птицы-гаруды и тело человека [Nebesky-Wojkowitz, 1956. P. 102].

Именно Пехара Б. И. Кузнецов полагает импортированным в Тибет культом иранского происхождения, а его имя и истоки связывает с культом Митры, заимствованным в VIII в. через Восточный Туркестан. При этом вариант имени Митра относится к древнеиранскому языку, а форма имени Пехар (Михр) взята из среднеперсидского языка [Кузнецов, 1998. С. 174–175].

Митра в древнеперсидской мифологии был богом договоров и дружбы, защитником истины. Он являл собою свет, изображался мчащимся по небу на золотой колеснице-солнце, запряженной в квадригу белых лошадей. Он считался богом плодородия, приносил дождь и вызывал рост растений. Представал в облике молодого мужчины с короной на голове и кинжалом в правой руке. Из тела жертвенного быка, поднесенного Митрой, вырастают травы и растения, пшеница и виноград, из семени быка появились все виды полезных животных, а душа его вознеслась на небеса, и он стал покровителем стад. На нем набедренная повязка, напоминающая короткую юбку со складками, тело выше пояса обнажено. Корона представляет собой небольшой узкий обруч по размеру головы, увенчанный острыми зубцами. Эту корону, символ сияющего света, Митра получил от солнца, над которым он одержал победу. Лезвие кинжала короткое и широкое, рукоятка заканчивается несколькими, одно над другим, шарообразными утолщениями [Bell, 1931. P. 28]. Митра — «хозяин обширных полей», которым он дает плодородие. Он дает прирост поголовью стад, он также дает здоровье, изобилие и богатство. Он — тот, кто раздает не только материальные, но и духовные блага. Он также бог солнца [Cumont, 1913. P. 4].

Итак, совпадения между Пехаром и Митрой (Ахурамаздой)⁹ состоят в немногом: они оба ассоциированы с небом, светом, солнцем, небесами, белым цветом. Более всего их роднит универсальность и многофункциональность. Учитывая чрезвычайно запутанную, даже многострадальную историю Пехара, его связь с разными божествами, воинственными защитниками Да-лха, неоднозначные отношения с Гэсэром и Намсараем, можно предположить делеги-

⁷ Snod sbyin ‘rgyal chen sku lnga ‘khor bcas. Xyl. 13ff.

⁸ Л у м о (тиб. *glum o* — ‘нагини’) — изначальная богиня, упорядочивающая вселенную: из её головы возникает небо, из правого глаза — луна, из левого — солнце, из верхних зубов — планеты; когда богиня закрывает глаза, приходит ночь, когда открывает, настаёт день; из голоса Лумо рождается гром, из дыхания — облака, из слёз — дождь, из ноздрей — ветер, из вен — реки, из тела — земля и т. д.

⁹ В древнеиранской религии Ахурамазде соответствует Митра — божество дневного света.

рование некоторых функций универсального владыки древнеиранского Митры, с одной стороны, группе девяти воинов Да-лха (пяти индивидуальных хранителей Гови-лха), являющихся защитниками от врагов, с другой стороны, группе конных всадников — братьев Вайшраваны-Намсарая. Культ божества подателя богатства Вайшраваны-Куберы-Дзамбалы-Намсарая на самом деле вообрал в себя очевидно гетерогенные образы, он имеет много разных форм и большую свиту из, как правило, вооруженных воинов [Nebesky-Wojkowitz, 1956. P. 68–81]. И можно согласиться с мнением Кузнецова, что Вайшравана и Намсарай (тиб. *nam thos kyī sras*, букв.: Сын Премудрого) — это не идентичные санскритское и тибетское имена одного божества, на самом деле они «обозначают разных, хотя и сходных по некоторым атрибутам божеств», которые при этом считаются одним и тем же божеством и ассоциируются с Куберой и Дзамбалой, Если ни в индийской, ни в хотанской мифологии нет божественной пары Премудрого Отца и его Сына, то в иранской религии есть взаимосвязанные боги — Премудрый Господин и его сын Митра, где «Митра как раз и является богом богатства. Он — хозяин обширных полей, которым он дает плодородие. Он дает прирост поголовью стад, а также добро всем, кто честен. Им он дает здоровье, изобилие и богатство» [Кузнецов, 1998. С. 265–266]. Правоту ученого подтверждает иконографическая традиция изображения божеств богатства группы Намсарая: бородатый лик с огромными круглыми глазами, нейоговская асана, красивые шелковые одеяния и обязательная зубчатая диадема с драгоценными камнями имеют если не иранские, то туркестанские черты.

Отпечатки Ирана в буддийской иконографии, лексике

Происхождение такого украшения, как корона (диадема, тиара), также имеет иранские истоки. Первоначально это была налобная повязка, иногда узкий обруч по размеру головы, увенчанный острыми зубцами. Судя по сообщению Геродота, она надевалась в ритуальных целях: «...кто желает принести жертву какому-нибудь божеству, тот, украсив себя тиарой, наичаще миртовой веткой, отводит животное на чистое место и там молится божеству» [Кузнецов, 1998. С. 116]. Самые ранние изображения персонажей с зубчатой короной на голове относятся к каменным барельефам с изображением царей Древней Персии.

Еще один иконографический признак, несущий отпечаток древних воинственных ариев, — это защитная пелерина на плечах. Изображения Шенраба отличаются от образов Будды наличием солярного знака свастики с левым поворотом, а также почти неизменной накидкой-пелериной на плечах, если она изображена не как отдельный атрибут одеяния, то ее роль исполняет длинный паланкин, прикрыва-

ющий спину и плечи, либо огромное ожерелье, защищающее почти всю грудь. Наиболее ранние исторические примеры боевых пелерин, то есть горжетов, также связаны с историей Ближнего Востока и Передней Азии¹⁰. На этот факт обращал внимание известный российский искусствовед М. В. Горелик, который занимался историей национального костюма и боевого снаряжения у древних и средневековых монголов [Gorelik, 1979. P. 30–63; Горелик, 1987. С. 163–207].

Б. И. Кузнецов поддерживает мнение Геродота о том, что царь Дарий (522–486 гг. до н. э.) в войне с сакскими (скифскими) племенами на северо-востоке Иранской империи наголову разбил одну часть скифов, а другую захватил в плен, хотя есть сведения, что в бою со скифами он потерпел крупное фиаско из-за высокой мобильности кочевников [Кузнецов, 1998. С. 62; Дандамаев, 1963. С. 269–270].

Так или иначе, «материальная культура юэчжи указывает на древние и глубокие связи с народами Средней и Передней Азии». Анализируя изобразительные материалы из каракольских, пазырыкских, кульобских курганов, Б. И. Кузнецов отмечает, что некоторые изобразительные мотивы проникли в Среднюю Азию и в Горный Алтай много раньше персидского господства в Передней Азии, таким образом, он предполагает, что более древними были культурные связи с Передней Азией (до ахеменидских, не позднее VII в. до н. э.). При этом хронология археологических материалов указывает на обратное направление движения. Материалы скифской культуры из курганов Тывы оказались старше аналогов более западных регионов. Археологические раскопки в местностях Аржан-1 и Аржан-2 на территории современной Республики Тыва, датируемые XI–VIII вв. до н. э., VIII–VII вв. до н. э., обнаружили замечательные образцы прикладного искусства древних мастеров, шедевры скифо-сибирского звериного стиля, технологические приемы и эстетические принципы которых сохраняются у монгольских художников и ремесленников до сего времени. По заключению археологов, для искусства скифского времени характерны устойчивые иконографические схемы изображений животных, которые несли определенную семантическую нагрузку и сохраняли на протяжении многих веков не только архаичную форму, но и семантику. Выделяются, например, «летающий» олень с подогнутыми ногами, стоящие «на цыпочках» и готовые к прыжку олени и другие копытные, свернувшиеся в кольцо хищники, сцены «терзания» копытных хищниками, птицы. Эти образы известны от Ордоса и Минусинской котловины до Причерноморья, и список продолжает пополняться новыми находка-

¹⁰ О значении пелерины в одеяниях монгольской аристократии и ее связи с боевым горжетом (на примере произведения монгольского скульптора Дзанабазара (1635–1723)) см.: Сыртылова С. Д. Будда Акшобхья в Монголии // *Ориенталистика*. 2019. 2 (4). С. 817–837. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-4-817-837>.

ми [Руденко, 1953; 1960; Чугунов, 2011; Грязнов, 1978; 1980; Грач, 1980; Членова, 1984; Завитухина, 1983; Полосьмак, 1994].

В скифских изделиях ключевые позиции занимают изображения оленей и свернувшихся в кольцо кошачьих хищников, при этом аналогичные по иконографии образы присутствуют в петроглифах эпохи бронзы (рис. 1–3). Нижняя граница для алтае-саянских и монголо-забайкальских памятников определяется археологами Грязновым и Маннай-оолом XII–IX вв. до н. э. Дело в том, что в насыпи кургана Аржан-1 в Тыве были обнаружены обломки оленного

Рис. 1. Пантера. Бронза, литье. Диаметр 25 см. Украшение из кургана Аржан-1, Тыва. XI–VIII вв. до н. э. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

Рис. 2. Фигурка оленя, навершие золотой шпильки. Золото, литье. Курган Аржан-2, Тыва. VII в. до н. э. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото С. Сыртыповой

Благодаря сохранности, неповрежденности кургана Аржан-2 ученые смогли реконструировать структуру кургана, положение всех предметов из захоронения, что позволяет понять назначение вещей и правильнее трактовать, в частности, изображения животных. Их символику можно понять из того, как были использованы и где располагались изображе-

камня [Грязнов, Маннай-оол, 1974. С. 195]. Кызласов изваяния с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле целиком относит к скифской эпохе и наиболее поздними из них считает камни монголо-забайкальского типа [Кызласов, 1978. С. 26].

Специалисты по археологии данной эпохи отмечают, что оленные камни, в том числе с изображениями животных как на западе, так и на востоке своего ареала, появляются в доскифское или в карасукско-киммерийское время (рис. 3).

Основная масса поддающихся датировке памятников относится к рубежу двух больших эпох — эпохи бронзы и эпохи ранних кочевников и представляет собой ранние этапы скифо-сибирского звериного стиля [Кубарев, 1979; Новгородова, 1970; Членова, 1976 и др.]. Исследователь киммерийской культуры Тереножкин также придерживается мнения о восточном происхождении центральноазиатско-сибирского звериного стиля и скифской культуры в целом [Тереножкин, 1976. С. 209–211]. На оленных камнях Монголии встречается и традиционный сюжет скифо-сибирского искусства — хищник, свернувшийся в кольцо. Аржанская бронзовая пантера (рис. 1) также свидетельствует о том, что данный сюжет появился в Центральной Азии в VIII — нач. VII в. до н. э., то есть, по-видимому, раньше, чем в Иране.

Рис. 3. Олений камень. XII–IX в. до н. э. Перевал Эгийн-дава, 1600 м над у. м., на границе между Баянхонгорским и Архангайским аймаками. Монголия

ния — на одежде, головном уборе, колчане, снаряжении лошади, у головы и в ногах погребенного и т. д. Обнаруженная здесь же золотая стружка есть свидетельство того, что вещи изготавливались на месте, местными мастерами и специально для погребения (рис. 4). Так, золотые пластины с изображением лошади с подогнутыми ногами, по словам А. А. Чап,

точно повторяют позу погребенных царских коней из захоронения [Чап, 2019. С. 202–208]. Возможно, они служили символической заменой живых животных. А крошечные литые фигурки дикого кабана (рис. 5), известного амбивалентным характером (копытное и одновременно опасный хищник), покрывали горит — футляр для лука и стрел.

Несомненно существование региональных, хронологических, функциональных и прочих различий в предметах саяно-алтайских, пазырькских, минусинских, ордосских и других памятников искусства древних кочевников Евразии. Тем не менее несомненно также их стилистическое, эстетическое и се-

Рис. 4. Бляхи в виде лошадей — украшения головного убора. Находка из кургана Аржан-2. VII в. до н. э. Золото, эмаль, резьба. Длина — 8,2 см. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото С. Сыртыповой

Рис. 5. Кабан-вепрь, золото, литье. Нашивка на горит для стрел. Находка из кургана Аржан-2. VII в. до н. э. Длина 1,2 см. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Фото С. Сыртыповой

Завитки могут образовывать пламевидные или каплевидные формы, прорези, создавать чешуйчатый узор. При более дробном членении изображений выделяется элемент в виде запятой [Чугунов, 2011. С. 52–54]. При этом предметы прикладного искусства из погребений коррелируют с образцами местных наскальных изображений. Любопытным представляется использование в предметах из кургана Аржан-2 эмалевых вставок из литьевого стекла, причем найдены следы местного производства многочисленных одноцветных бус из стекла в кочевнических комплексах, что свидетельствует о владении кочевниками ремеслом простейшего стеклоделия [Галибин, 2001; Курочкин, 1993. С. 32; Минасян, 2004. С. 70–71]. Трасологическими исследованиями зафиксировано, что многие изделия комплекса произведены специально для погребального ритуала недалеко от места захоронения [Минасян, 2004. С. 44].

Согласно описаниям греческих историков античности, они подразделяли центральную часть Азии на 2 части, или «две Скифии», и в течение веков не делали четкого географического деления на Индию, Персию и Китай и т. д. Однако со временем, в начале VII в., пришло понимание географических и прочих различий, и Среднеазиатский регион был разделен на Восточную и Западную Скифии, к Восточной от-

мантико-функциональное единство, которое можно определить как сохранение единых архетипов, что создавало общую ритмичность и единый дух всех изображений.

Например, их объединяет своеобразный мотив сложного завитка (триквестра в виде вихреобразной композиции из голов животных и птиц), состоящего из разнонаправленных клювообразных отростков, дополняемых полукруглыми фестонами. S-образные очертания образуют общую архитектуру предметов, либо выступают фоном для изображений, либо являются единственным элементом декора (рис. 4, 5).

носились страны Таримского бассейна, часть Тохаристана (древней Бактрии) с территорией современного Афганистана и южная часть советской Средней Азии. Соединялись они вакханским коридором, созданным буддийской традицией. Согдиана была, по выражению Кристофера Бэквиза, экономическим сердцем Центральной Азии, где буддизм смешивался с местными верованиями и процветал несколько столетий. Земли между Тохаристаном и Персией были одно время под управлением Персидской Сасанидской династии, где официальной идеологией был зороастризм. Завоевание самой западной части Центральной Азии тюрками в конце VI в., объединившее Центральную Азию с основными периферическими цивилизациями Евразии — Европой, Персией, Индией и Китаем, имело фундаментально важное значение. Хотя эти завоевания не привели к объединению всего региона, но повлияли на некоторые аспекты местных культур. Например, в начале VII в. тюркское политическое влияние в Согдиане и на западе Центральной Азии, обычно подкреплявшееся взаимными браками правящих домов, прекратилось [Beskwith, 1987. P. 10].

Результаты генетических анализов, полученные современными учеными, показывают, что скифы появились в результате смешения скотоводов позднего

бронзового века с локальными группами различного происхождения. То есть скифы представляли собой несколько гетерогенных групп насельников евразийской степи. В частности, саки тагарской культуры в Сибири, саки центральной степи и саки тянь-шаньского региона были группами, возникшими из-за смешения между группами скотоводов позднего бронзового века и охотниками-собираателями Внутренней Азии. А западные, или «венгерские», скифы, наоборот, получали приток генов от групп земледельцев Европы. Очень сильные различия, возникшие у потомков скифов, объясняются отсутствием интенсивного обмена генами между отдельными группами. Генетически скифы имели различное происхождение — их предками были скотоводы позднего бронзового века, европейские земледельцы и охотники-собираатели юга Сибири [Damgaard, March & others, 2018].

Каким бы ни был этногенетический состав создателей скифо-сибирского звериного стиля, бесспорным остается то, что скифы были кочевниками, и предметы, которыми они пользовались, отражают кочевническую эстетику и мировоззрение охотника и воина. Неслучайно одним из главных отличий древнеиранского влияния от эллинского, как и древнеиндийского, был, по заключению Кузнецова, тип жизнеобеспечения, отражавшийся на характере ритуалов. Цитируя древнегреческого автора Геродота V в. до н. э., он отмечает нравы и обычаи персов, у которых «ставить кумиры, сооружать храмы и алтари... не дозволяется», «в обычае приносить Зевсу жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь свод небесный. ... Они почитают также Солнце, которое они называют Митрой, Луной, Афродитой, Огнем, Землей, Ветром и Водой» [Кузнецов, 1998. С. 116].

О ранних заимствованиях буддийской терминологии из персидского языка писал Б. Я. Владимирцов. Он обратил внимание на эту проблематику с точки зрения изучения истории буддизма в Средней Азии, полагая, что лингвистические данные могут быть использованы как факт распространения буддизма в Монголии еще в дачингисовский период, при этом не через Тибет, а через Среднюю Азию. Заимствования относились к области буддийской терминологии, наблюдение вывело ученого на предположение, что «согдийские заимствования проникли к монголам в период культурного влияния уйгуров, продолжавшегося, быть может, до половины XIV в.; и вот, хотя монголы после падения Юаньской династии потеряли многое из культурных приобретений времен Чингис-хана и Монгольской империи, хотя они в значительной степени и оставили буддизм, начавший распространяться среди них, тем не менее, когда в XVI в. началась у них пора буддийского ренессанса под влиянием руководства Тибета, некогда заимствованные буддийские согдийские термины

опять воскресают для новой жизни; несмотря на сильнейшее влияние тибетской письменности, старинный буддийский комплекс терминов согдийско-уйгурского происхождения не сходит у монголов со сцены и продолжает жить полной жизнью» [Владимирцов, 2005. С. 105–137]. Например, в монгольском языке обозначение лотоса (монг.: бадма цэцэг) пришло от персидского *bādām*, означающего на самом деле цветок миндаля, а не лотоса; также *begter* — от перс. *bagtar* — особый род панциря; слово *begje* даже проникло через монгольский в тибетский: *beg je* — ‘кираса’, от перс. *bagtar* — ‘панцирь’. Было и обратное заимствование, например, монгольского слова *pökög* в персидский язык: *naukaq*, *pōkaq* — ‘слуга, прислужник’. «Персидское *naukaq* является монгольским заимствованием, проникшим в персидский язык в эпоху монгольских походов в Среднюю Азию и Персию в XIII в.» [Владимирцов, 2005. С. 852–853].

Есть еще одно любопытное подтверждение доводов Кузнецова об альтернативном в древности пути распространения идей из Индии в Центральную Азию не через Гималайский хребет, Тибет и Хотан на север, а через Персию и Согдиану, по торговым путям, которыми шли суда и караваны со специями и шелками. Это история распространения и развития шахмат — индийской *чатуранги*, пришедшей через адаптированный иранский *шатрандж* и сохранивший свои архаичные черты в монгольской игре *шатар*¹. Самое главное, что монгольские шахматы сохранили не только изначальную форму шахматных фигурок, где ферзь — это лев, символ Закона вселенной, но самое главное — глубокое философское содержание игры, так как шахматы использовались в том числе для продвижения индо-буддийской идеи о главенстве универсальной Дхармы (закона и учения), а не королей в жизни человека и общества.

Бронислав Иванович Кузнецов занимался невероятно сложной задачей исторической реконструкции древней религии тибетцев бон. Нет сомнений, что истоки бона уходят на глубину тысячелетий, это подтверждается тибетскими, персидскими и западными источниками, материалами археологии. Ученым был проработан колоссальный по объему и трудности осмысления, компиляции материал, очень многие аспекты работы требуют уточнений и дальнейшей доработки, остается выразить огромное сожаление, что автор не успел увидеть публикаций своих книг, так как, несомненно, ему еще было что сказать. Новейшие результаты археологических и генетических исследований скифских материалов говорят о том, что Скифия не была однородна в генетическом и лингвистическом аспектах, но, несмотря на значительные территориальные различия восточных и западных племен, их объединяло мироощущение кочевников и эстетика воинов-охотников. Таким образом, стилеобразующим и структурирующим факторами были прежде всего тип ведения

¹ Подробно вопрос был раскрыт в серии публикаций автора: [Сыртыпова, 2018а; 2018б; 2019].

хозяйства и образ жизни. Проблемы культурогенеза, миграции идей, их адаптации и воплощения в разных историко-культурных условиях мира, осмысле-

ния исторических результатов в той постановке, как их видел Б. И. Кузнецов, будут всегда актуальны для новых поколений исследователей.

Использованная литература

- Владимирцов, 2005: *Владимирцов Б. Я.* Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам // Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005.
- Vladimirtsov B. Ya.* Ob otnoshenii mongol'skogo yazyka k indoevropеyskim yazykam // Raboty po mongol'skomu yazykoznaniiyu. M.: Vost. literatura, 2005.
- Vladimirtsov B. Ya.* On the relation of the Mongolian language to the Indo-European languages // Works on Mongolian linguistics. M., 2005.
- Галибин, 2001: *Галибин В. А.* Состав стекла как исторический источник. СПб., 2001.
- Galibin V. A.* Sostav stekla kak istoricheskii istochnik. SPb., 2001.
- Galibin V. A.* Glass composition as a historical source. SPb., 2001.
- Горелик, 1987: *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–207.
- Gorelik M. V.* Ranniy mongol'skiy dospekh (IX — pervaya polovina XIV v.) // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 163–207.
- Gorelik M. V.* Early Mongolian armor (IX — first half of the XIV century) // Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 163–207.
- Грач, 1980: *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ, 1980.
- Grach A. D.* Drevniye kochevniki v tsentre Azii. M.: GRVL, 1980.
- Grach A. D.* Ancient nomads in the center of Asia. M.: GRVL, 1980.
- Грязнов, 1978: *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. II. Л., 1978. С. 222–232.
- Gryaznov M. P.* Sayano-altayskiy olen' (etyud na temu skifo-sibirskogo zverinogo stilya) // Problemy arkheologii. II. L., 1978. S. 222–232.
- Gryaznov M. P.* Sayan-Altai's deer (Sketch on the theme of the Scythian-Siberian animal style) // Problems of archeology. II. L., 1978. P. 222–232.
- Грязнов, 1980: *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Gryaznov M. P.* Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskiifskogo vremeni. L., 1980.
- Gryaznov M. P.* Arzhan. Tsar's mound of the early Scythian time. L., 1980.
- Грязнов, Маннай-оол, 1974: *Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.* Третий год раскопок кургана Аржан в Туве. М., 1974.
- Gryaznov M. P., Mannay-ool M. Kh.* Tretiy god raskopok kurgana Arzhan v Tuve. M., 1974.
- Gryaznov M. P., Mannay-ool M. Kh.* The third year of excavation of the Arzhan burial mound in Tuva. M., 1974.
- Гумилёв, Кузнецов, 1970: *Гумилёв Л. Н., Кузнецов Б. И.* Бон (Древняя тибетская религия). СПб., 1970.
- Gumilov L. N., Kuznetsov B. I.* Bon (Drevnyaya tibetskaya religiya). SPb., 1970.
- Gumilov L. N., Kuznetsov B. I.* Bon (Ancient Tibetan religion). SPb., 1970.
- Дандамаев, 1963: *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Dandamayev M. A.* Iran pri pervykh Akhemenidakh. M., 1963.
- Dandamayev M. A.* Iran under the first Achaemenids. M., 1963.
- Завитухина, 1983: *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983.
- Zavitukhina M. P.* Drevneye iskusstvo na Yeniseye. Skifskoye vremya. Publikatsiya odnoy kollektsii. L.: Iskusstvo, 1983.
- Zavitukhina M. P.* Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publishing one collection. L., 1983.
- Кубарев, 1979: *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979.
- Kubarev V. D.* Drevniye izvayaniya Altaya. Olennyye kamni. Novosibirsk, 1979.
- Kubarev V. D.* Ancient sculptures of Altai. Deer stones. Novosibirsk, 1979.
- Кузнецов, 1998: *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет. (История религии бон). СПб., 1998.
- Kuznetsov B. I.* Drevniy Iran i Tibet. (Istoriya religii bon). SPb., 1998.
- Kuznetsov B. I.* Ancient Iran and Tibet. (History of the Bon religion). SPb., 1998.
- Курочкин, 1993: *Курочкин Г. Н.* Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири // Археологические вести. № 2. СПб., 1993.
- Kurochkin G. N.* Raskopki skifskogo «tsarskogo» kurgana na yuge Sibiri // Arkheologicheskiye vesti. № 2. SPb., 1993.
- Kurochkin G. N.* Excavations of the Scythian “royal” burial mound in the south of Siberia // Archaeological news. No. 2. SPb., 1993.
- Кызласов, 1978: *Кызласов Л. Р.* К изучению оленных камней и менгиров // КСИА № 54. М., 1978.
- Kyzlasov L. R.* K izucheniyu olennykh kamney i mengirov // KSIA № 54. M., 1978.
- Kyzlasov L. R.* To the study of deer stones and menhirs // CSIA No. 54. M., 1978.
- Минасян, 2004: *Минасян Р. С.* Секреты скифских ювелиров // Аржан. Источник в долине царей. СПб.: Славия, 2004.
- Minasyan R. S.* Sekrety skifskikh yuvelirov // Arzhan. Istochnik v doline tsarey. SPb.: Slaviya, 2004.

- Minasyan R. S. *Secrets of Scythian jewelers* // Arzhan. Spring in the Valley of the Kings. SPb.: Slavia, 2004.
- Намкай Норбу, 1991: *Чогьял Намкай Норбу*. Йога сновидений и практика естественного света. Миригар, 1991 // URL: <http://www.theosophy.ru/lib/yoga-sna.htm> (дата обращения: 06.03.2021).
- Chog'yal Namkay Norbu*. Yoga snovideniy i praktika yestestvennogo sveta. Mirigar, 1991.
- Chog'yal Namkhai Norbu*. Dream yoga and natural light practice. Mirigar, 1991.
- Намкай Норбу, 1997: *Намкай Норбу Ринпоче*. «Друнг, Дэу, Бон». М., 1997.
- Namkhai Norbu Rinpoche*. "Drung, Daewoo, Bon". M., 1997.
- Намкай Норбу, 2007: *Намкай Норбу*. Вредоносные силы и влияния различных классов существ. Shang Shung Edizioni. 2007.
- Namkay Norbu*. Vredonosnyye sily i vliyaniya razlichnykh klassov sushchestv. Shang Shung Edizioni. 2007.
- Namkay Norbu*. Malicious forces and influences of various classes of creatures. Shang Shung Edizioni. 2007.
- Новгородова, 1970: *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Novgorodova E. A.* Tsentral'naya Aziya i karasukskaya problema. M., 1970.
- Novgorodova E. A.* Central Asia and the Karasuk problem. M., 1970.
- Полосьмак, 1994: *Полосьмак Н. В.* «Стерегищие золотого грифы» (акалахинские курганы). Новосибирск, 1994.
- Polos'mak N. V.* «Steregushchiye zoloto grify» (akalakhinskiye kurgany). Novosibirsk, 1994.
- Polos'mak N. V.* "Vultures guarding gold" (Akalahi burial mounds). Novosibirsk, 1994.
- Руденко, 1953: *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Rudenko S. I.* Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya. M.; L., 1953.
- Rudenko S. I.* Culture of the Altai Mountain Population in Scythian Time. M.; L., 1953.
- Руденко, 1960: *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Rudenko S. I.* Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya. M.; L., 1960.
- Rudenko S. I.* Culture of the population of Central Altai in the Scythian time. M.; L., 1960.
- Сыртыпова, 2018а: *Сыртыпова С. Д.* Об обнаружении средневековых монгольских шахмат на Северном Кавказе // *Ориенталистика*. 2018. 1 (1). С. 98–112. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-98-112> (дата обращения: 06.03.2021).
- Syrtypova S. D.* Ob obnaruzhenii srednevekovykh mongol'skikh shakhmat na Severnom Kavkaze // *Orientalistika*. 2018. 1 (1). S. 98–112.
- Syrtypova S. D.* About the discovery of medieval Mongolian chess in the North Caucasus // *Orientalism*. 2018. 1 (1). P. 98–112.
- Сыртыпова, 2018б: *Сыртыпова С. Д.* Отражение исторической эпохи в миниатюрной скульптуре монгольских шахмат XIII века // *Ориенталистика*. ИВ РАН. 1 (2). М., 2018. С. 209–236. ISSN 2618-7043.
- Syrtypova S. D.* Otrazheniye istoricheskoy epokhi v miniaturnoy skulpture mongol'skikh shakhmat XIII veka // *Orientalistika*. IV RAN. 1 (2). M., 2018. S. 209–236. ISSN 2618-7043.
- Syrtypova S. D.* Reflection of the Historical Epoch in Miniature Sculpture of the 13th Century Mongolian Chess Figures // *Orientalistika*. 1 (2). M., 2018. P. 209–236. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-209-236> (дата обращения: 06.03.2021).
- Сыртыпова, 2019: *Сыртыпова С. Д.* Буддизм и шахматы в Монголии: форма и философия игры // *Тибетология и буддология на стыке науки и религии*. (Труды Ин-та востоковедения РАН, т. XXX). М., 2019. С. 244–253.
- Syrtypova S. D.* Buddizm i shakhmaty v Mongolii: forma i filosofiya igry // *Tibetologiya i buddologiya na styke nauki i religii*. (Trudy Instituta vostokovedeniya RAN, t. XXX). M., 2019. S. 244–253.
- Syrtypova S. D.* Buddhism and chess in Mongolia: the form and philosophy of the game // *Tibetology and Buddology at the intersection of science and religion*. (The works of Institute of Oriental Studies. Vol. XXX). M., 2019. P. 244–253.
- Тереножкин, 1976: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Terenozhkin A. I.* Kimmeriytsy. Kiyev, 1976.
- Terenozhkin A. I.* Cimmerians. Kiyev, 1976.
- Чап, 2019: *Чап А. А.* Скифский звериный стиль в традиционных формах тувинского народного искусства // *Искусство Евразии*. 2019. № 3 (14). С. 202–209. [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/23/> DOI: 10.25712/ASTU.2518 (дата обращения: 06.03.2021).
- Chap A. A.* Skifskiy zverinyy stil' v traditsionnykh formakh tuvinskogo narodnogo iskusstva // *Iskusstvo Yevrazii*. 2019. № 3 (14). S. 202–209.
- Chap A. A.* Scythian animal style in traditional forms of Tuvan folk art // *Art of Eurasia*. 2019. № 3 (14). P. 202–209.
- Членова, 1976: *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976.
- Chlenova N. L.* Karasukskiye kinzhaly. M., 1976.
- Chlenova N. L.* Karasuk daggers. M., 1976.
- Членова, 1984: *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник: (На примере оленных камней Сев. Кавказа). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984.
- Chlenova N. L.* Olennyye kamni kak istoricheskiy istochnik: (Na prim. olennykh kamney Sev. Kavkaza). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-niye, 1984.
- Chlenova N. L.* Deer stones as a historical source: On a note. Deer stones of the North Caucasus. Novosibirsk: Science, Sib. Dep-t, 1984.
- Чугунов, 2011: *Чугунов К. В.* Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // *Европейская Сарматия*. СПб., 2011. С. 39–60.

- Chugunov K. V.* Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiya, ikonografiya, ornamental'nyye motivy // *Yevropeyskaya Sarmatiya*. SPb., 2011. S. 39–60.
- Chugunov K. V.* Art of Arzhan-2: stylistics, composition, iconography, ornamental motives // *European Sarmatia*. SPb., 2011. P. 39–60.
- Beckwith, 1987: *Beckwith Christopher I.* The Tibetan Empire in Central Asia. A history of the struggle for great power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton University Press, New Jersey, 1987.
- Bell, 1931: *Bell Ch.* The Religion of Tibet. Oxford, 1931.
- Cumont, 1913: *Cumont F. V. M.* Les misteres de Mithra. Bruxelles: H. Lamertin, 1913. 304 p.
- Damgaard, March & others, 2018: *Peter de Barros Damgaard, Nina Marchi, Simon Rasmussen and others.* 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature*. 2018. May. 557 (7705). P. 369–374.
- Gorelik, 1979: *Gorelik M.* Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // R. Elgood (ed.). *Islamic Arms and Armour*. London, 1979. P. 30–63.
- Gzer mig, 1965: 'Dus prin po che'i rgyund gzer mig. Delhi, 1965.
- Hoffmann, 1950: *Hoffmann H.* Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Tafel 1. Wiesbaden, 1950.
- Laufer, 1901: *Laufer B.* Uber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo // T'oung Pao. Ser. II. 1901. Vol. II.
- Nebesky-Woikovitz, 1956: *Nebesky-Woikovitz R. de.* Oracles and Demons of Tibet. The cult and iconography of Tibetan protective deities. The Netherlands. 1956. 666 p.
- Stein, 1972: *Stein R. A.* Tibetan Civilization. Stanford University Press. 1972. 336 p.
- Thomas, 1945: Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan / selected and translated by F. W. Thomas. Parts I–IV. London, 1935–1963.

Surun-Khanda D. Syrtypova

The creative heritage of B. I. Kuznetsov or Looking for Persian footprints in the Tibetan-Mongolian Buddhism

The article examines the main directions and scientific hypotheses by B. I. Kuznetsov, the famous Russian Tibetologist and a teacher of several generations of orientalists in the post-Soviet countries. One of the main ideas driving his scientific research was the investigation of origin and development of the pre-Buddhist Bon religion of Tibetans, the search for Iranian roots and parallels in historical subjects which were described by ancient Greek, Tibetan, Arabian, Chinese and other authors. He identified Bon religion and its homeland Shang Shung and Olmo with Elam or ancient Iran of the Achaemenids reign, and the chief Bon priest, teacher Shenrab Mibo considered as a Zoroastrian preacher. Such kind of pointing the question could have taken place according the 7th–5th centuries BC, when the Iranians were at the peak of their power and pursued an active policy of influence expanding, and not only on the nearest neighbors, but on the territory of Central Asia. The article offers an analysis of some of the positions put forward by B. I. Kuznetsov, using typological materials that preserve archaic autochthonous elements, in particular the multifaceted cults of Pekhar, Dalha, Namsaray in comparison with the Zoroastrian cult of Mithra. The events of the Achaemenid era chronologically coincide with the era of the Scythians and the dating of outstanding objects of Scythian applied art, the influence of which was not escaped by any subsequent culture of Eurasia. For the peoples of Central Asia, Mongolia and Tibet, the heritage of the Scythian-Siberian animal style is most relevant. Mongols and Tuvans, nomads who adopted Tibetan Buddhism, continue to be active heirs of the traditions of applied arts of the South Siberian Scythians.

Key words: Tibet, Bon, Shenrab, Pekhar, Scythian-Siberian animal style, nomads.

Surun-Khanda D. Syrtypova — D. Sc. (History), Leading Researcher, Department of Comparative Studies; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (12, ul. Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia).

Chief Specialist, Laboratory of Ecology of A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS (33, Leninskiy pr., Moscow, 119312, Russia).
ssyrtypova@ivran.ru